

Абузар БАГИРОВ,

*писатель, доктор филологических наук,
профессор Университета МГИМО МИД РФ*

МАСТЕР КОРОТКИХ РАССКАЗОВ

Юсиф Везир Чеменземинли

В процессе формирования человека первостепенную роль играет семейное воспитание – этот факт издавна признан педагогами и является общеизвестным. Добрые отношения, взаимопонимание, атмосфера любви и безусловной поддержки в семье способствуют благоприятной ауре и создают плодотворную почву для воспитания детей полноценными и всесторонне развитыми, здоровыми духовно и физически, позитивными личностями. Эти качества ярко проявляются в зрелые годы, помогая своим обладателям не только добиться успеха в жизни, но подчас и внести достойную лепту в общественное и культурное развитие нации.

Жизненный путь **видного представителя азербайджанского критического реализма первой половины прошлого столетия, талант-**

ливого прозаика, публициста, литературоведа, автора интересных коротких рассказов, актуально реалистических и исторических романов Юсифа Везира Чеменземинли начался именно в такой благодатной и дружной семейной атмосфере. Он родился 12 сентября 1887 году в райском уголке Азербайджана – в сердце Карабаха городе Шуше, в семье Мешади Мирбаба бека Мирабдулла оглы и Сеид Азизы Сеид Гусейн гызы Везировых.

Отец будущего писателя был просвещённым человеком, в совершенстве владел персидским и арабским языками, отличался широкой эрудицией и начитанностью, слыл **знатоком не только родного азербайджанского фольклора и классической литературы, но и в целом восточной поэзии**, музыки. Неустанно занимаясь воспитанием сыновей Абульгасана и Юсифа, особое внимание уделял их систематическому самообразованию, стремясь передать им свои знания. Мать семейства Сеид Азиза ханум также была просвещённой женщиной и блестящим знатоком литературы.

С помощью старшего брата Абульгасана Мирюсиф рано начал учить алфавит. Начальное образование получил в родном городе у моллы Мехти по прозвищу «Глухой халиф», затем год проучился в школе близлежащего села Мурадбейли. Далее девятилетний Мирюсиф год занимался в специальной городской школе Джамал бека и Самед бека Агаевых и еще год в «русско-мусульманской» школе, которой руководил его близкий родственник Ашум бек Везиров.

В 1897 году Мирюсиф был принят в первый подготовительный класс реальной школы в городе Шуше. Его двоюродный брат Миргасан Везиров вскоре обнаружил у него тягу к рисованию на юмористические темы и всячески помогал ему развивать эту способность. Наконец, **в 1904 году они совместно начали выпускать в Шуше литературно-художественный юмористический**

Ю.В.Чеменземинли с коллегами-педагогами и студентами. 1926 г.

журнал «Фокусник» на русском языке: тексты писал Миргасан, а карикатуры рисовал Мирюсиф под псевдонимом «Несчастный». В журнале было опубликовано несколько его тематических карикатур: «Физиология ноги», «Письмоносец», «Ноги, убегающие от полиции», «Женщина с мужскими ногами», «Виды и типы Шуши» и др. В среде городской интеллигенции журнал пользовался немалой популярностью.

В 1905 году Мирюсиф окончил восьмилетнюю учёбу. Он отправился в Ашгабад, где некоторое время гостил у родной тётки.

К великому сожалению, Мирюсиф Везиров рано познал горечь утраты близких и дорогих ему людей: 13 марта 1901 года он потерял любимого старшего брата Абульгасана, а 20 февраля 1906 года – заботливого и любящего отца, неутомимого и доброго наставника...

В сентябре 1906 года, переехав в Баку, Мирюсиф при поддержке известного нефтепромышленника и мецената Гаджи Зейналабдина Тагиева (1823–1924) поступил в шестой класс Бакинской реальной школы, которую окончил 10 июня 1909 года. Именно **в период учебы в этой школе состоялся его литературный дебют – 2 октября 1907 года в №37 журнала «Молла Насреддин» появилась**

сатирическая статья под заголовком «Уважаемый заведующий», за следующей подписью: «Учащийся шестого класса бакинской реальной школы Мирюсиф Везиров».

Начиная с **первого рассказа «Доброе дело Шахгулу», написанного 27 ноября 1907 года,** и до конца жизни писатель подписывался одинаково – Юсиф Везир Чеменземинли. Псевдоним «Чеменземинли» он взял в знак уважения к живущей по соседству семье, прибывшей из села Чеменземин в Южном Азербайджане.

В 1910–1915 гг. молодой писатель учился на юридическом факультете Киевского Императорского университета имени Святого Владимира. Затем, в 1916–1918-е годы служил судебным кандидатом в Саратовской городской судебной палате, а затем в Симферополе трудился в должности адвоката-консультанта городского юридического управления.

Период с 1909-го по 1919 годы отмечен в биографии Юсифа Везира Чеменземинли как очень плодотворный в плане литературного творчества. **В эти годы появилось немало коротких реалистических рассказов,** среди которых «Путёвка в рай», «Должник», «Аукцион», «Мешади и Кербалаи», «Свадьба», «Чёрная родинка на белом

Семья Ю.В.Чеменземинли. Шуша, 1906 г.

подбородке», «Доктор», «Азиз», «Зейнал бек», «Горемычная Зулейха», «Сумасшедшая», «Четверг», «В женской школе», «Последняя весна», «Юноша», «Полицейская шинель», «Урок», «Новый мир», «Жена игрока», «Копейка», «Поэт», «Напрасная кровь». Одна за другой вышли в свет прозаические книги «Два рассказа» (Баку, «Сада», 1911. 24 с.), «Меликмамед» (Баку, «Каспий», 1911. 32 с.), «Семь рассказов» (Баку, «Бр. Оруджевых», 1912. 43 с.), «Три

Ю.В.Чеменземинли с членами семьи и родственниками

рассказа» («Сада», 1912. 32 с.), «Положение наших женщин» («Бр. Оруджевых», 1913. 36 с.), «Кровавые слёзы» («Бр. Оруджевых», 1913. 32 с.), «Страницы жизни» («Бр. Оруджевых», 1913. 47 с.), «Путёвка в рай» («Бр. Оруджевых», 1913. 55 с.), «Взгляд на азербайджанскую литературу» (Стамбул, «Амира», 1918. 103 с.) и др.

В 1918 году, находясь в Одессе, писатель закончил **научно-популярную работу «История литовских татар»**, которую в 1919 году издал в Крыму отдельной книгой.

В молодом возрасте, в пике творческого взлёта – неожиданный поворот судьбы... **В 1919 году его назначили послом Азербайджанской Демократической Республики в Турции.** Быть главой дипломатической миссии своей страны, только что обретшей независимость – об этом как великой чести мечтали многие представители азербайджанской интеллигенции. Но этот взлет оказался слишком скоротечным: 28 апреля 1920 года власть в Азербайджане захватили большевики, и посольство АДР в Стамбуле вынуждено было остано-

вить свою деятельность. Сам же посол прожил в Стамбуле до 1923 года как частное лицо, а затем переехал в Париж, где поначалу жил у младшего брата Мири, который в то время учился на дипломатическом факультете Школы политических наук. Материальная нужда заставила Мирюсифа три года трудиться простым рабочим на заводе в городке Клиши близ Парижа.

В эти нелегкие годы для Юсифа Везира Чemenземинли своего рода отдушиной стало сотрудничество с газетой «Последние новости», где он опубликовал свои «Восточные письма». За активное участие в политической агитации среди рабочих его уволили с завода. Тогда **он обратился к Совнаркому Азербайджанской ССР с просьбой о возвращении на родину, и на удивление быстро получил положительный ответ. 3 апреля 1926 года писатель вернулся на родину.** Начал работать в кооперативном издательстве «Бакинский рабочий», читал в Обществе по обследованию и изучению Азербайджана лекцию на тему «Историческая основа азербайджанских сказок». В 1927–1930 годы работал в общественно-культурном отделе Госплана АзССР и параллельно три года проучился в аспирантуре Азербайджанского государственного университета по специальности «азербайджанская литература». В 1931–1935 годы преподавал историю азербайджанской литературы в Азербайджанском государственном индустриальном институте.

Ю.В.Чеменземинли. 1920-е годы

стриальном институте.

В 1931 году Ю.В.Чеменземинли был избран в президиум Общества азербайджанских писателей, а в 1935–1938 годы работал в издательстве

Ю.В.Чеменземинли. Начало 1930-х годов

Ю.В.Чеменземинли в студенческие годы

«Азернешр» - переводчиком, а затем редактором; позже его должность была сокращена...

Юсиф Везир Чеменземинли и в советский период своей жизни неустанно занимался художественным творчеством, издал целый ряд про-

заических книг, в числе которых «Былые страницы» («Бакинский рабочий», 1926. 130 с.), «Ради выгоды» («Азернешр», 1930. 94 с.), «Из тьмы на свет» («Азернешр», 1932. 48 с.). **После возвращения из Парижа писатель наряду с короткими рассказами стал активно работать над объёмными реалистическими и историческими романами.** В 1930 году в издательстве «Азернешр» вышел его роман «Студенты», повествующий о реальной студенческой жизни самого автора в Киеве. Затем был издан реалистический роман «Девичий родник» («Азернешр», 1934. 162 с.). **Последнее, наиболее значительное произведение Ю.В.Чеменземинли – исторический роман «В крови»,** написанный в 1934–1937 годы и посвященный великому азербайджанскому поэту и государственному деятелю XVIII века Молла Панаху Вагифу. Этот роман представляет собой новаторское явление в азербайджанской исторической прозе: следуя канонам реалистической школы, автор создал совершенно оригинальное, строго объективное историческое полотно.

В конце 30-х годов прошлого века над головой истинного мастера реалистических рассказов Юсифа Везира Чеменземинли стали сгущаться чёрные тучи, тревожная атмосфера вокруг все сильнее

Ю.В.Чеменземинли в Турции. Постановочное фото в национальном турецком костюме

давила на психику писателя. Для спасения себя и своей семьи от надвигающейся опасности он принял неординарный шаг – в 1938 году подал документы на всесоюзный анонимный конкурс на замещение должности преподавателя русского языка в педагогическом институте города Ургенч Хорезмской области Узбекской ССР. И – победил! Не забудем, что азербайджанский писатель был истинным полиглотом, в совершенстве владея русским, французским, персидским, арабским, турецким языками.

Увы, запущенная советским режимом машина государственного террора и в далёком Ургенче не пощадила великого азербайджанского писателя. **В 1940 году Юсиф Везир Чемаземинли по состряпанному по тогдашней конвейерной системе обвинению был арестован** и после скорого судилища этапирован в лагерь для заключённых, расположенный в деревне Сухое-Безводное Горьковской (ныне Нижегородской) области. Недостаток питания быстро ослабил организм 55-летнего писателя, и 3 января 1943 года он скончался в мучительных болях от болезни пеллагры.

Рассказы Юсифа Везира Чемаземинли, столь же лаконичные, сколь и реалистичные, отличаются пластичностью описаний, простотой языка и лирическими оттенками. Рассказы Чемаземинли и сегодня читаются взахлёб, на одном дыхании, а сюжеты запоминаются надолго. Именно такие художественные свойства малой прозы являются показателем высокого мастерства писателя. ❀

Литература

1. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. III cildə. III cild. Sovet dövrü. Bakı, Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1957. 562 s.
2. Азербайджанские рассказы. В двух томах. Том первый. Баку, «Детониздат», 1961. 474 с.
3. Очерк истории азербайджанской советской литературы. Подготовлен к печати Институтом литературы и языка им. Низами АН Азерб. ССР совместно с отделом советской литературы ИМЛИ им. А.М.Горького АН СССР. Ответственные редакторы: З.С.Кедрина, Г.Б.Бабаев. Москва, «Наука», 1963. 570 с.
4. Azərbaycan Sovet ədəbiyyatı tarixi. İki cildə. Birinci cild. Baş redaktor akademik Məmməd Arif. Bakı, Azərb. SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1967. 640 s.
5. Ю.В. Чемаземинли. Избранное. Баку, «Азернешр»,

Ю.В.Чемаземинли в начале 1930-х годов

1973. 472 с.
6. Mir Cəlal, F.C.Hüseynov. XX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı. Ali məktəblər üçün dərslik. Təkmilləşdirilmiş ikinci nəşri. Bakı, "Maarif", 1974. 392 s.
7. Мамед Ариф Дадашзаде. Азербайджанская литература. Учебное пособие для филологических факультетов университетов. Москва, «Высшая школа», 1979. 232 с.
8. Əhmədov T.Ə. XX əsr Azərbaycan yazıçıları. Ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı, «Nurlar», 2004. 984 s.
9. Иса Габиббейли. Азербайджанская литература начала XX века. Второе издание, дополненное. Москва, «Триада», 2008. 178 с.
10. Теория литературы. В 4-х томах. Том II. Произведение. Москва, Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН. 2011. 376 с.
11. İsa Həbibbəyli. Azərbaycan ədəbiyyatı dövrləşdirmə konsepsiyası və inkişaf mərhələləri. Bakı, "Elm", 2019. 452 s.

The article briefly describes the life path and work of the outstanding Azerbaijani realist writer, literary critic and publicist of the early 20th century, Yusif Vazir Chamanzaminli.

КОЗНИ СВЕКРОВИ

(рассказ)

Женщину, о которой я хочу рассказать, многие знают. Её можно встретить на свадьбе и на похоронах, в очереди, на базаре и среди ссорящихся в трамвае. Зовут её Гуризад, но в ней нет ничего, что напоминало бы гурию. Большой мясистый нос почти что заглядывает в рот, толстые, всегда мокрые губы обвисли, красные глаза слезятся, Голова её давно поседела, и она красит волосы. Но найти настоящую хну ей не удаётся, а от самодельных красок она стала пегой: одни пряди у неё светлые, как пшеница, другие – красные, как переспелый арбуз.

Биография Гуризад многокрасочна, как и её волосы. В шестнадцать лет её выдали за богатого гаджи. Через девять лет он умер, и она осталась с тремя детьми. Долгие годы она растила их и, наконец, спустя одиннадцать лет вышла замуж за бека. Он никогда не расставался с кинжалом, висевшим у пояса, и охотничьей собакой. Но счастье Гуризад было недолгим. Всего полтора года суждено было ей наслаждаться его любовью, а потом, промотав всё, что досталось ей в наследство от гаджи, бек бесследно исчез.

Так и осталась Гуризад одинокой. Это ужасно мучило её, она считала себя обиженной всеми муж-

Ю.В.Чеменземли в юношеские годы

чинами, ненавидела их, однако не отказалась бы от предложения снова выйти замуж. Но делать ей предложение никто не торопился. Сын и дочери тоже не баловали её своей любовью, не понимали её страданий, и бедная женщина терзалась молча, а то вдруг начинала кричать на детей, изводила их своей ревностью. Больше всего она любила сына и не могла примириться с мыслью, что он женится, и в дом войдёт чужая женщина, с которой ей надо будет делить его.

Частенько, закончив домашние дела, она подсаживалась к сыну на плюшевый диван и заводила один и тот же бесконечный разговор. Она жаловалась, что настали плохие времена, что молодые не уважают старших, что нет теперь ни одной порядочной девушки.

Год назад сын одним-единственным словом перевернул всю её жизнь. Первого мая он отправился на демонстрацию, а когда вернулся домой, мать заметила в нём какую-то перемену. Всегда тихий, немного даже угрюмый, малоразговорчивый, Мардан был необычно весел и оживлён: пел, смеялся, не мог усидеть на месте, часто подходил к зеркалу и подолгу рассматривал себя.

Гуризад, женщина опытная, сразу смекнула, что к чему, «Верно, понравилась какая-нибудь красотка», – пронеслось у неё в голове. В первую минуту она обрадовалась, но тут же ревность горячей волной залила ей сердце, и, как шах, боящийся потерять престол, она заволновалась. Насилу подавив беспокойство, она спросила:

– Что с тобой, сынок? Что у тебя нового?

Мардан спокойно и решительно ответил:

– Женюсь, мама.

Будто неопытный цирюльник вырвал у Гуризад зуб: она подскочила, как ужаленная, настроение её вмиг испортилось.

Женится! Как это вам нравится?! А мать? Единственный сын, и тот не считается с ней, не посоветуется даже... Как же так? Все её уважают, у неё много друзей, знакомых, наконец, у неё свои планы, свои расчёты. А тут... И кто знает, что за девушка понравилась ему? Какая вертихвостка вскружила ему голову?

– Что значит – женюсь? – придя в себя, закричала Гуризад.

– Женюсь, и всё.

– Да ты что, с ума сошёл? У тебя был отец, которого все знали как порядочного и честного человека, есть мать, вырастившая и воспитавшая тебя.

Как ты можешь это самовольно решать? Есть порядок, есть закон, в конце концов.

– Мало ли что есть! – засмеялся Мардан.

Гуризад растерялась, не находя слов для ответа. Но видя, что сын твёрдо стоит на своём, пошла на уступки.

– Ты смеёшься надо мной, сынок?

– Вовсе нет, я говорю серьёзно.

– Ну тогда сядь хоть, расскажи, кто она, откуда, из хорошей ли семьи.

– Семьи её я не знаю, а учится она в техникуме имени Нариманова, на химическом отделении. Окончит – поступит в нефтяной институт. Вот и будем оба инженерами.

Гуризад задумалась, на миг представила себе, что ждёт её впереди. Уживётся ли она с невесткой? Стараясь скрыть тревогу, всё сильнее охватывавшую её, она твердила Мардану, втайне надеясь отговорить его от женитьбы:

– Разве выйдет хозяйка из образованной девушки? Сегодня я жива, завтра умру, кто будет убирать, стирать, смотреть за детьми?.. Да и как ты можешь допустить, чтобы твоя жена работала где-то, целый день вертелась среди мужчин, разговаривала с ними?

Гуризад помолчала несколько минут и спросила:

– Где же вы встретились? Кто вас познакомил?

– Никто. Сами познакомились.

– Как это – сами? Значит, как в песне:

На Ширване испокон
Для рябых такой закон:
Не спросясь, выходят замуж
Без Корана, без икон.

И вы так поступаете? Ну, конечно, что для тебя мать? Какая-то чужая девчонка тебе дороже!

И глубоко обиженная, Гуризад отвернулась к окну.

С этого дня, приходя с работы, Мардан наскоро обедал, переодевался и куда-то уходил. Возвращался он часов в двенадцать, а то и позже. Гуризад ничего не говорила, ни о чём не спрашивала, только молча кусала губы.

Однажды, назвав адрес девушки, Мардан сказал:

– Мама, походи к ней. Проси, чтобы отдали её за меня. Там тебя уже ждут.

Что оставалось несчастной Гуризад? Выхода у

неё не было. Уж такие теперь дети. Не пойдёшь – сам женится, тогда ещё хуже.

Ни слова не говоря, она оделась и пошла. Родители девушки дали согласие. Невеста показалась ей вежливой и обходительной, даже понравилась ей, и Гуризад была с ней очень ласкова.

– Доченька моя, я уже стара, одной ногой стою в могиле. Но теперь я смогу умереть спокойно...

Растроганная собственными словами, она прослезилась.

Сыграли свадьбу. С тех пор в доме всё пошло кувыркком. С первых же дней свекровь и невестка невзлюбили друг друга. Чем дальше, тем глубже становилось взаимное недовольство. Каждый раз, когда Гуризад удавалось остаться наедине с сыном, она начинала жаловаться:

– Сынок, – говорила она – плаксивым голосом, – есть же законы, обычаи, надо считаться со старшим в доме, уважать его. А у нас что творится? Захожу в комнату – лежит на кровати, читает книжку и хоть бы с места. Не встанет, слова приветливого не скажет. Когда я простудилась, все кости ломило, говорю, разотри мне спину, вымой ноги горячей водой. Она поджала губы и ушла в спальню. Разве так можно?.. Уходит, когда хочет, куда хочет, никогда даже не скажет, куда идёт...

Мардан терпеливо выслушивал её бесконечное нытьё. Первое время он пытался возражать, защищать жену, но мать упрямо твердила своё, слова её западали ему в душу, рождали смутную тревогу. Правда, он ни в чём не мог обвинить свою юную подругу, но поневоле начинал придирается к ней.

А отношения Гуризад с невесткой всё ухудшались.

Однажды, возвращаясь с работы, Мардан услышал невообразимый шум: громко хлопали двери, кто-то истошно кричал. Поражённый, он остановился посреди двора. В это время из дому выскочила мать. Увидев сына, она бросилась к нему. Её крашенные волосы растрепались, по щекам текли слёзы.

– Что случилось, мама? – спросил Мардан взволнованно.

– Эта бешеная душила меня, насилу вырвалась!

Мардан побледнел и, задрожав от гнева, кинулся в дом. Подбежав к спальне и рывком распахнув дверь, он застыл на пороге от изумления: жена лежала на диване, углубившись в книгу. Увидев мужа, она спокойно и радостно улыбнулась. Стараясь унять волнение, и едва сдерживая дрожь

в голосе, Мардан спросил:

Кто побил мать?

– Побил?..

– Разве ты не слыхала, как она кричала? Я слышала какие-то крики, но не придала этому значения, думала, соседи ругаются.

Мардан ничего не сказал больше – изумлённое лицо и слова жены убедительно опровергали клевету матери.

Вскоре у Мардана и его жены родился сын. Это внесло в дом радость. Молодые родители не могли налюбоваться своим первенцем. Они без конца гладили и целовали маленькие ручонки, разглядывали крошечное личико и чувствовали себя самыми счастливыми людьми на свете.

А Гуризад не унималась. Даже рождение внука не успокоило её. Она ненавидела невестку лютой ненавистью; зависть к молодой женщине калёным железом жгла ей грудь. В голове её рождались планы мести, один чудовищнее другого. Она мечтала поссорить её с сыном, выжить из дому. В ожидании удобного случая она подолгу не разговаривала с невесткой, притворялась обиженной. Наконец, придумала план мести. В течение нескольких дней она прикидывалась больной, удручённой каким-то горем. Как только Мардан приходил домой, она начинала охать, плакать, делая вид, что ей очень тяжело. Сын сочувственно спрашивал:

– Что с тобой, мама?

– Ох, умираю...

– Что же у тебя болит?

Гуризад молчала, многозначительно вздыхала и плакала.

Мардан измучился. Он догадывался, что это не простая болезнь, что тут кроется какая-то тайна, и старался её разгадать. Он умолял мать рассказать, в чём дело, но она упорно молчала.

Однажды Мардан обиженно сказал:

– Я у тебя единственный сын, мама. С кем же ещё ты можешь поделиться своей печалью? Расскажи мне, что случилось. Иначе я умру от горя.

– Что ты, не дай бог, пусть лучше умрёт твоя бесчестная жена со своим ублюдком...

Больше она ничего не сказала, да Мардан и так всё понял. Неужели мать права?.. Неужели его жена?.. Чувство чести заговорило в нём; в глазах зажглись гневные огоньки.

Весь день Мардан ходил, как сумасшедший, не находя себе места. Домой он вернулся только к

полуночи, на цыпочках прошёл в спальню. Жена и ребёнок спали. С ненавистью посмотрел он на обоих. Самые дикие мысли лезли ему в голову. «Отомстить! Защитить свою честь, своё имя!»

Он подошёл к люльке. Ребёнок выпростал из пелёнок маленькую ручку и прижал её к щеке.

«Ублюдок» – прозвучал в ушах Мардана голос матери. В полумраке он стал пристально всматриваться в лицо ребёнка, искать в нём свои черты, но не находил. Он уже не сомневался в неверности жены. Вдруг малыш улыбнулся. Чувство жалости шевельнулось в душе Мардана, но лишь на мгновение, и тут же исчезло, как и улыбка на лице ребёнка. Взамен чувство мести вспыхнуло с новой силой. Преступные мысли роились в мозгу, кривили рот жуткой гримасой, собирали на лбу глубокие морщины. «Я должен задушить и жену, и ребёнка. Должен! Должен!»

Мардан опять склонился над люлькой. Его нервные пальцы потянулись к тоненькой шейке. В этот момент малыш опять улыбнулся, подложил под щёчку пухлую ручонку. Вид этого младенца, спавшего безмятежным сном, поразил Мардана. В ужасе он отскочил от колыбели. Его мозг, омрачённый туманом слепой ревности, вдруг прояснился; он словно очнулся от страшного кошмара. Он смотрел на ребёнка, на губах которого играла невинная улыбка. Сердце Мардана забилось часто-часто. В груди могучей волной поднялась и бушевала извечная святая любовь отца к своему дитя. Из каких-то тайников души вырвалось пламя и охватило всё его существо. Он содрогнулся,

«Боже! Что я хотел сделать! Ничего не узнав, хотел убить это невинное существо!» – и он выбежал из спальни.

Немного успокоившись и трезво всё обдумав, Мардан решил поговорить с женой и матерью.

Да, жена была чиста, всему виной – злобные козни матери.

Через три дня Гуризад выделили комнату с отдельным ходом. Сын запретил ей вмешиваться в свои семейные дела, лишив её всех прав, которые ей полагались по традиции.

Молодая семья зажила спокойно и счастливо.

Перевод Л.Пороцкой

ИЗ ДНЕВНИКА ЭМИГРАНТА

(рассказ)

Проснулся я с чувством необъяснимого оптимизма. Мир казался мне прекрасным настолько, что дух захватывало. Однако положение моё отнюдь не давало повода для хорошего настроения. Вот уж месяц, как меня прогнали с фабрики, найти другую работу не удавалось, голод меня изнурял. И всё же в хорошем настроении я встал с постели, оделся, умылся. От внезапно охватившей слабости закружилась голова, всё тело покрылось холодным потом. Я вынужден был присесть. Несколько дней я не ел горячего, вчера с трудом добыл кусок чёрствого хлеба, а сегодня не рассчитывал даже на это.

Минуты две звенело в ушах, но всё же я взял себя в руки. Оптимизм и радостное настроение не покинули меня: мир был всё таким же прекрасным, жизнь – желанной. Я быстро подошёл к своей одежде, висевшей на стене, и стал обыскивать карманы. Тщательно обшарил их, ничего не нашёл. Должен сказать, что этим делом я занимался на протяжении последней недели ежедневно в надежде найти деньги, которые могли быть забыты когда-то. Но ничего не находилось. Хорошо зная это, я всё же оставил одежду с нерассеянным подозрением. Надежда не покидала меня.

Подошёл к шкафу. Со скрипом раскрыл полманную дверцу, приподнял бельё, осмотрел верхнюю полку – не было ни денег, ни чего-нибудь съедобного. Среднюю полку обыскал ещё тщательнее: тарелку, чашку и ложку переставил на новое место, потряхнул сахарницу – и здесь ничего.

Снова присел на стул. Постарался дышать ровнее. Хорошее настроение не покидало меня. Потом мне всё стало безразлично. Потеряли свой изначальный смысл хорошее и плохое, наслаждение и страдание, счастье и несчастье... С пустотой в груди я снова подошёл к шкафу и стал механически прибираться. Собрал аккуратно книги и газеты, связал в узел грязное бельё, начал перебирать старые картонки, и вдруг застыл как вкопанный... В дальнем углу лежал кусочек заплесневелого хлеба – когда-то, видать, утащили мыши. Пальцы впились в этот кусок. Выбежал в коридор, сдул с хлеба пыль, сполоснул его под краном, завернул его в платок и положил под тюфяк.

Пока ожидал, чтобы хлеб размяк, равнодушие меня покинуло. Я съел свой хлеб и бодрым шагом вышел из отеля.

Хозяину отеля я задолжал несколько сот франков, и потому постарался уйти незамеченным. На улице вздохнул свободно. Лучше бы вовсе не есть! Голод мучил так, что я не смог бы даже сказать, чего бы я желал поесть. Бездумно и без какого-либо плана брёл я по улице.

Пошёл в сторону Сены. И вдруг остановился: кусочек съеденного хлеба камнем застрял в желудке, причиняя нестерпимую боль. От этой боли спёрло дыхание, так что пришлось прислониться к телеграфному столбу. Холодный пот опять покрыл тело. Мимо прошёл господин, пыхнул в мою сторону папиросой. На некоторое время табачный дым, который я глубоко вдохнул в себя, получив огромное удовольствие, отвлёк мои мысли. Двухдневный табачный голод был немного утолён, прояснилось и сознание. Снова вспыхнула во мне надежда, и ироническая улыбка над жизнью и всем мирозданием скривила мои губы.

Колики в животе поутихли. Я продолжал свой путь. Завидя фабричные трубы, повернул назад.

Бездумное и бесцельное блуждание по улице продолжалось. Всё было пусто внутри меня. Прошлое и будущее мешалось в голове. Вновь стали

Ю.В.Чеменземинли в Турции. Постановочное фото в национальном турецком костюме

Ю.В.Чеменземинли в начале XX века

неразличимы друг от друга хорошее и плохое, сытость и голод.

Я всё брёл и брёл. И вдруг один из прохожих привлёк моё внимание.

– Христофор! – вскрикнул я.

Он остановился. Хмуро оглядел меня с ног до головы, не узнал. Я подошёл к нему. Протянул ему руку.

– Мы вместе учились с тобой в школе в Баку. Не помнишь? – спросил я.

Он для приличия улыбнулся, нехотя пожал мою руку и спросил:

– Как ваша фамилия?

Я назвал – только тогда он стал трясти мою руку.

– Прости, не узнал, – сказал он. – Но это естественно. Сколько лет не виделись?

– Семнадцать, – ответил я, немного подумав.

– Семнадцать? – удивлённо проговорил он, расхохотался и вдруг стал очень серьёзным. – Как быстро идёт время!

Мне тоже стало грустно – подумалось о том, что позади лучшая часть моей жизни. Проблема радостного настроения как не бывало, стало печально от осознанной горечи бытия. И снова

начались колики. Я прислонился весь в поту к стене.

– Скажи нам кто-нибудь семнадцать лет назад об этой встрече, в этом городке неподалёку от Парижа, не поверили бы, ей-ей, – снова развеселившись, продолжал Христофор. – Да, удивительна жизнь... А что ты здесь делаешь? Какими судьбами здесь оказался?

– Так вот. Судьба. Давно ли ты здесь? За три года, что я живу в этом городе, ни разу тебя не встречал.

– О, моя история длинная. Пойдём-ка в бистро, выпьем по стаканчику вина.

Пошли. По пути я исподволь разглядывал друга – на нём была щегольская одежда. Вид его пробудил во мне надежду. «Наверно, служит, – подумал я, – И мне поможет найти место».

Но дело обстояло иначе, чем я предполагал. После первого стаканчика Христофор сказал:

– Да, дорогой, прошли наши лучшие годы. Эх, школа, школа! Тебе известно, что после неё я пошёл по военной части? Учился. Затем мировая война, гражданская, отступление Врангеля... Да что тебе перечислять? Годы в окопах, лицом к лицу со смертью...

Он замолк. Залпом осушил бокал. Вынул пачку

с папиросами. Мы поделились с ним последними двумя.

– Куда же ты попал из Крыма? В Стамбуле тебя я не видел, – спросил я, жадно затянувшись дымом.

– Нас повезли в Чанаккалу. Оттуда бежал в Грецию. Поначалу дела шли неплохо – открыли мы с женой небольшой ресторанчик. Поднакопил денег, купил автомобиль, стал шофёром такси. Однажды узнал, что жена сбежала к какому-то купцу-греку. Не мог никак поверить, что женщина, клявшаяся в вечной любви, могла изменить в столь тяжёлые для меня времена. Никак не мог успокоиться. И вот как-то, подкараулив их во время лодочной прогулки, я убил её, а грека ранил...

Христофор сидел бледный, губы его дрожали.

– А дальше? – подстегнул я его.

– Что дальше? Дальше подрядился к какой-то фирме и на своём автомобиле бежал во Францию. Взяли меня батраком в богом забытом селении вдали от Парижа. Вот когда понял я, что такое иностранец и что означает ностальгия. Ведь они были нашими союзниками. Теперь-то я знаю, что за дерьмо эти наши союзнички...

Он снова замолчал. По лицу его можно было прочесть всё то, что сейчас носилось в его голове. Он встал из-за стола, стал ходить перед стойкой. Потом подошёл ко мне:

– Знай я, что наши «союзники» используют меня в качестве конюха, – в первый же день войны поднял бы восстание против царя и правительства.

– Сколько времени ты во Франции? – спросил я.

– Шесть месяцев.

– И где?

– Пять месяцев – в селении. Хозяин будил меня ровно в пять утра. В мои обязанности входило прибирать за восемью лошадьми и пятнадцатью коровами. Затем меня отправляли в поле. Работал до восьми вечера. Платили пять франков, не считая харчей. Этого еле хватало на курево и парикмахера. Впрочем, ходить к цирюльнику и времени-то не было. Вернувшись с поля, искал укромного местечка, чтобы поспать... Бежать не мог: паспорт хранился у хозяина. Хотя будь он даже у меня, куда денешься без денег? Но всё же однажды по фальшивому паспорту кое-как добрался до Парижа... Ну, вот и всё. Как видишь, сегодня я рядом с тобой.

Тут Христофор весело рассмеялся, как бы отбрасывая прочь все свои горести, и спросил:

– Скажи теперь, работаешь ли ты где-нибудь?

Ю.В.Чеменземинли в 1910-е годы

– Нет, нигде.

– А как же живёшь?

– Как все.

– Значит, голоден, задолжал в отеле... Ха-ха-ха!

Одним словом, как я.

– И ты без работы?

– Естественно. Ах, тебя ввела в заблуждение моя одежда? Не так ли?

Я недоверчиво ещё раз оглядел Христофора с ног до головы.

– Так.

– О, моя одежда! Она тоже имеет свою историю, – сказал Христофор. – Ещё до войны моя кузина вышла в России замуж. За бельгийца. Во время революции бежали. И вот на днях я узнал о том, что кузина с мужем приехали из Брюсселя в Париж. Навестил их... Жили они в прекрасном отеле. О себе, естественно, я ничего им не рассказал – пока ещё берегу свою офицерскую честь. Моё более чем скромное одеяние привлекло внимание кузины. Она взяла меня в один из парижских магазинов и одела с головы до ног. Вот и всё. Пока они были здесь, вместе ходили, вместе питались. Со дня их отъезда воюю с нищетой. Последние франки сейчас мы с тобой отдадим гарсону за вино.

Мы медленно шли в сторону арки Клиши. Было около двенадцати. Оба молчали. Нарушил молчание я.

– Христофор! Но ведь хотя бы раз в неделю мы должны наесться досыта?

– На что-то надеешься? – быстро спросил мой

Ю.В.Чеменземинли - узник сталинских лагерей

товарищ.

– Кажется, да. Здесь живёт один русский журналист. В одну из газет он пишет восточные письма. Сведения получает от меня, а взамен даёт мне двадцать пять процентов гонорара. Недавно он отдал в редакцию письмо из Бомбея. Пойдём-ка, посмотрим – вдруг уже что-то есть?

У него даже глаза заблестели. Проходя мимо арки, он со смехом спросил:

– Значит, журналист «был» в Бомбее?

– Конечно, – отвечал я. – Вчера он был в Бомбее, сегодня он, наверное, в Тегеране...

Оба мы весело расхохотались.

Таким образом, дошли мы до площади Клиши, свернули направо на улицу Буа и вошли в маленький отель.

Не поднимаясь по лестнице, толкнули простенькую дверь в стене и вошли в тёмную, ужасно вонючую комнату.

В ней еле умещались кровать и маленький стол журналиста. С грязной постели поднялся нам навстречу худой человек с растрёпанными волосами. Он попросил прощения и, сбросив с себя на пол пачку газет, сказал:

– Добро пожаловать, господа! Ради бога, угостите папиросой!

Мы пожали плечами. Журналист расстроился и начал судорожно шарить под кроватью и под столом. Затем схватил пустую папиросную коробку, изучил её, смял и выбросил. И вдруг, быстро нагнувшись, подобрал с полу маленький окурочек, вставил его в мундштук и закурил. Окурочка хватило всего на две затяжки. Но всё же нервы журналиста, кажется, немного успокоились. Он стал похож на нормального человека. Пригласил нас сесть на кровать, а сам стал натягивать грязную, поношенную одежду.

– Странно, – приговаривал он, – как ни стараешься, даже прокормить себя не в состоянии. Ну, а новая одежда для меня неосуществимая мечта. Не знаю, смогу ли ещё хотя бы один раз в жизни купить новое платье.

Мы посмеялись его шутке. Я спросил:

– Как с Бомбеем?

– Всё хорошо. Сегодня мы выпьем за здоровье индийских националистов. Редактору очень понравилось. Теперь черёд Тегерана. Нужно интервью с одним из клеветников шаха.

– Это мы сделаем! – перебил журналиста Христофор. – Мне много раз приходилось бывать в Тегеране. Знаю любой переулок.

– Прекрасно! Прекрасно! Значит, живём!

– Живём!

– Но такое вот дело – видите мои штиблеты? На ладан дышат. Смотрите, как широко пасть разинули. Нам сначала к сапожнику надобно сходить, а потом уж идти в редакцию.

Журналист шёл, осторожно припадая на пятку. Я взял его под руку, чтобы уменьшить нагрузку на порванную туфлю, которая могла бы и не выдержать. Так и дошли до сапожной мастерской. Пришлось немного подождать.

Мы с Христофором остались на улице. Журналист зашёл в редакцию. Сбоку от нас располагалась мясная лавка. Куски мяса, аккуратно нарезанные, очищенные от костей, рядами лежали на мраморных столах. Туши, подвешенные на крючья, были украшены искусственными листочками. Я мысленно пережарил всё это... рот наполнился слюной. Напротив во фруктовых лавках высились горы яблок, груш, апельсинов. Их вид предрасполагал к преступлению... Взгляд мой затем остановился на дворцах, упирающихся крышами в небо, отметил поток автомобилей, текущий по мостовой... «Но если среди этой роскоши я гибну от голода, долой всё это, и да рухнут дворцы», – пронеслось у меня в голове.

Кровь кипела в жилах, я жаждал революции. Пробудил меня от задумчивости голос журналиста:

– Господа, нам сегодня не суждено поесть. Нет кассира. Деньги, вероятно, мы получим завтра...

Перевод И.Ахундова